

Премьера

Задолго до начала спектакля в фойе районного Дома культуры одиноко прогуливался высокий седоволосый старик. Худощавый, чуть сутуловатый, в старомодном светлом костюме-«тройке» с белой манишкой, при черном галстуке-бабочке, он сердито постукивал по сверкающему паркетному полу массивной тростью и недовольно оглядывал скучающих контролеров.

«Не понимаю! — возмущенно говорил он себе. — Премьера, а зал еще пуст... А? Нет, разлюбили здесь сцену. Бывало, не успеют в городе афиши развесить, а у клуба уже народ толпится...»

Из зала выбежала стройная голубоглазая девушка в легком цветастом платье. Увидев старика, она раздраженно крикнула:

— Иван Николаевич! Идите же гримироваться! Вечно вы со своими причудами...

— А-а, помреж!.. Здравствуйте, здравствуйте! Ну что вы тревожитесь, Танюша? Не во мне дело. Зритель-то где, зритель?

— Да, придет, придет зритель! Вот увидите: яблоку некуда будет упасть. Я-то знаю. А вы как маленький, право...

Старик вспыхнул:

— Это я-то?.. Да вы знаете, кто я!..

Стукнув тростью об пол, он схватил девушку за локоть, густые брови его сошлись на переносице.

— Я... я всегда готов. Всегда!..

Словно вспомнив о чём-то, о чём не следовало говорить, он умолк и, нахохлившись, двинулся через зрительный зал за кулисы.

Загримировавшись, он вышел на сцену. На ней суетились исполнители спектакля, помогая друг другу расставлять декорации и бутафорскую мебель. В стороне какой-то паренёк воинственно размахивал коротким мечом.

— Не так! Ну не так же, юноша! — досадливо поморщился старик и с необычайной живостью подскочил к нему. — Вот, смотрите, как надо! — Глаза его молодо заблестели, он быстро встал в позицию и сделал два выпада.

— Запомнили?

До первого звонка он успел переговорить со всеми, каждому давал советы, делал замечания. Его выслушивали покорно, но, как только он уходил, с улыбкой, впрочем, доброй, говорили:

— Вот старик, никак не уgomонится. На репетициях нас учил-учил, а теперь и здесь ещё, перед спектаклем.

...Протяжно зазвучал гонг. Старик вздрогнул, зябко поёжился.

Таня заметила это. Её вдруг охватило чувство тревоги за новичка, взятого в труппу любителей театра уже в конце репетиций.

— Не подвел бы нас дед, — нервно сказала она режиссёру, молодому, красивому блондину с гладко зачёсанными волосами. — Вот и Мишка из-за него без роли остался. Озорной Михаил, зато надёжный... Тоже, нашёл, кому поручить! Где ты раскопал этого допотопного самородка?

— Ладно, ладно, — сердито ответил режиссёр. Он лишь недавно окончил культпросветучилище и сейчас тоже очень волновался, озабоченно поглядывал в щёлочку между занавесом и порталом. — Есть в нём что-то такое... Ты, Танюша, лучше иди к старику. Чего доброго, и впрямь пропустит он свой выход.

Медленно раздвинулся тяжёлый тёмно-вишнёвый занавес. В глаза ударил свет прожекторов. Старик на мгновение зажмурился, дыхание перехватило: ему так нужны были и этот удар гонга, и мощный свет прожекторов, и тёплое дыхание зала.

Если бы Таня спросила его в этот момент, кто он и почему с ними, и если бы для этого было время, старик наверняка рассказал бы о том, как ещё подростком с передвижной актёрской труппой исколесил всю Россию, как привык к театру, как театр стал частью его самого, о том, что уже с год назад он, заслуженный артист, ушёл на пенсию и, переехав из крупного приморского города в этот тихий городок на Волге, городок своей юности, заскучал. Заскучал по театру, по сцене.

А однажды он зашёл на спектакль самодеятельного коллектива. Всё огорчало и сердило его. Исполнители переигрывали, опаздывали с выходом, путали текст, мизансцены, говорили плохо. В тот вечер он и решил записаться в кружок, скрыв при этом свою профессию. Была наивная причуда: потряхнуть стариной. Рассказал бы он Тане и о том, как ожил на репетициях, как перестал себя чувствовать одиноким и немощным. И вот наконец спектакль...

Но Таня ни о чем не спрашивала. Она просто напомнила ему:

—Ваш выход.

Он вышел и от волнения забыл текст. В ушах зазвучал настойчивый голос сфлёрера, недовольно шумел зал. Артист растерянно оглянулся, увидел расширенные от расстройства глаза Тани. И, как это бывало когда-то раньше, сразу всё вспомнил. Произнес одну фразу, другую...

Зал притих. Из-за кулис с изумлением глядела на старика Таня. Перевоплощение его было столь быстрым и естественным, что даже Мишка, тот самый, у кого старик «отнял» роль, замороженно следил за ним. Плечи старика расправились, он величественно вышагивал по залу королевского замка, властно отдавал приказы...

Как только закрылся занавес, Таня бросилась к старику:

— Иван Николаевич, родненький!

— После, Таня, после. — Старик был бледен, руки его дрожали. — Мне отдохнуть надо.

Весь антракт он неподвижно просидел за сценой в кресле. Тёмная ложбинка пролегла меж бровей. Какая-то печаль лежала на сердце и мешала радоваться успеху.

Но и другие акты прошли не хуже, чем первый. Могучий актёрский темперамент старика захватил всех остальных исполнителей. Спектакль шел, как на одном дыхании.

Пожалуй, никогда ещё этот маленький зрительный зал не слышал таких аплодисментов. Старика вызывали непрерывно, ему преподносили цветы...

После спектакля в гримировочную вихрем ворвалась Таня. Она вся сияла.

— Иван Николаевич, миленький! Да что же вы тут сидите?

Вашу фамилию скан-ди-ру-ют! — не переводя дыхание, выпалила она.

Взглянув в лицо артиста, она обеспокоенно спросила:

— Вам нехорошо? Да?

Он устало и виновато улыбнулся. На лбу его ещё блестели мелкие капельки пота, лицо было бледным, припухшие веки подергивались...

— Сердце что-то прихватило, Танюша.

Он попытался облизнуть губы, но язык был сухой, и шершавый.

Через минуту собрались все участники спектакля. Мишка притащил стакан воды.

— Не надо, — отмахнулся старик. — Это пройдет. Артист я, ребята, и сердце должно быть выносливым. Да, видно, всё. Выдохся. Хорошие вы мои!..

Домой он возвращался один, с трудом уговорив кружковцев не провожать его. Шёл и думал, думал. Он понимал, что играл сегодня последний раз. Им опять овладело гнетущее чувство тоски и одиночества. Мысль о том, что он никогда больше не выйдет на сцену, показалась ему невыносимой, страшной: как жить дальше без любимого дела, которому отдана почти вся жизнь? И вдруг в памяти всплыла услышанная после спектакля фраза: «Знаете что, хотите быть у нас вторым режиссёром? Вот было бы здорово! Тогда мы сможем наш кружок превратить в настоящий молодежный театр». Кто это сказал? Да ведь это предложение Тани и Миши, всех кружковцев.

Вспомнилось, что говорили товарищи по прежней работе: «Ну куда ты едешь? В городок, где нет ни филармонии, ни театра. Ты еще быстрее состаришься, за-тоскуешь. Ну кому ты там будешь нужен, кому? Оставайся-ка с нами, живи спокойно на приличной пенсии».

«Кому нужен?»

Старик усмехнулся. Горечь, угнетавшая его, неожиданно исчезла. Он вновь почувствовал в себе силы, понял, что действительно нужен этим замечательным девочкам и ребятам, так горячо и искренне влюбленным в театр.

И уже спокойно зашагал по ночным улицам города, вдыхая аромат садов и свежесть летней приволжской ночи.